

10. Поляков О.Г Базовый уровень владения иностранным языком как объект тестирования при коммуникативном подходе // Язык и мир его носителя – М.: Изд-во МАЛП, 1995. - С.168-170.
11. Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment / Council of Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
12. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе- 2004.-№1.-С.3-8.
13. Верещагин Е.М. , Костомаров В.Г Язык и культура - М.: Русский язык, 1990.
14. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1993.
15. Халева И.И. Интеркультура – третье измерение межкультурного взаимодействия? (из опыта подготовки переводчиков) Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Сб. науч. тр. МГЛУ. – М., 1999. Вып. 444. - С. 5-14.
16. Оберемко О.Г Межкультурная и межэтническая коммуникация в языковой подготовке специалиста // Актуальные проблемы профессиональной подготовки специалиста. – Н. Новгород: Изд-во НГТУ, 2001. - С. 20-27.
17. Алмазова Н.И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: Дисс. ... д-ра пед. наук. - СПб., 2003.
18. Ирисханова К.М. «Третья культура» - интрига межкультурного общения // Полифония образования и англистика в мультикультурном мире. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003. – 28 с.
19. Millrood R.P. Models of describing culture for language teaching // Research Methodology: Teaching language in a cross-cultural space / Ed. By R.P. Millrood, O.G. Poliakov, P.V. Sysoyev. Tambov: Tambov University Press, 2003. - P. 12-19.
20. Сафонова В.В. Проблемы социокультурного образования в языковой педагогике // Культуроведческие аспекты языкового образования. – М.: Еврошкола, 1998. - С. 27-35.
21. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. - Липецк, 1998.
22. Сысоев П.В. Культурное самоопределение личности в контексте диалога культур. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001.
23. Соловова Е.Н. Автономия учащихся как основа развития современного непрерывного образования личности // Иностр. языки в школе. – 2004.-№2.-С.11-17; №3.-С.41-44.

Материал поступил в редакцию 04.11.08

TRIFONIUK A.F. The psychological particularities of the purposes of the professional-oriented learning English in the University

There are psychological-pedagogical purposes of the professional oriented learning English in our University in this article. The components of mastering language are detailed here: communicative competence or communicative language ability taking into account psycho-physiological mechanism. This mechanism includes auditory and visual channels and also receptive and productive methods giving us an opportunity of using the four communicative skills: audition, speaking, reading and writing in English.

The context of the future profession is detailed described in this article. The purpose of the professional-oriented learning of English of the future economists is to make some typical English situations of the professional-oriented learning and using language as a means of intercourse namely:

1. Discussion, seminar
2. Practical training, work with a teacher
3. Reading literature in speciality (journals, books)
4. The work with reference books
5. The writing of essay, address, project
6. Getting a job (correspondence, interview)
7. Participation in the Republican competitions of the students' work, scientific conferences, Olympiads

УДК 806.019

Венкович М.С.

СТРУКТУРА СМЫСЛА ПРОСТОГО РАСПРОСТРАНЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Введение. Содержательная сторона всякого высказывания характеризуется, как известно, его смыслом, который образуется благодаря отображению в предложении соответствующей ситуации, понимаемой как взаимодействие конкретных денотативных признаков объектов действительности. Известно, что только на субъекто-предикативном уровне предложения возможно отображение некоторой реальной ситуации, так как именно в субъекто-предикативной структуре предложения фиксируется расчлененность объекта действительности на предмет и его отношение к другим предметам и явлениям реального мира. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение вопроса о том, как формируется смысл простого высказывания и какую роль играют при этом лексико-грамматические средства языка. Иными словами, нас интересует, прежде всего, процесс образования и выражения смысла простого распространенного повествовательного высказывания.

Лексико-синтаксическая структура предложения. Всякое предложение естественного языка реализуется посредством слов и словосочетаний, которые являются базисными компонентами семантико-синтаксической структуры высказывания. Если проанализировать некоторую цепочку слов, например, «вчера, мы, прослушать,

лекция, о, творчество, Есенин», то можно заметить, что эти словоформы именуют либо общие свойства какого-то предмета или явления, либо они обозначают принадлежность понятию какого-то признака, то есть, они не фиксируют взаимоотношения одних объектов с другими, как это имеет место в высказывании «Вчера мы прослушали лекцию о творчестве Есенина», где предметы и процессы отображаются в их отношении с другими объектами и явлениями реального мира. Как отмечает Г.В.Колшанский, «объекты, как предметы высказывания, будут представлены в содержательном высказывании как изолированные, если они участвуют в выражениях, ограниченных словами и словосочетаниями. Истинные же отношения между объектами устанавливаются в соответствующей структуре, способной выражать эти отношения. Эта структура и есть предложение, в котором обнаруживается абсолютный признак любой вещи, а именно вхождение ее в какую-то либо систему. Только по этому признаку предложение способно выразить в своей структуре реально существующие и выражаемые познавательным мышлением действительные отношения между объектами» [1, с. 51].

Многообразие разносторонних отношений между предметами и явлениями объективной действительности невозможно представить при помощи только лексической системы языка, без привлечения

Венкович Михаил Станиславович, кандидат философских наук, заведующий кафедрой иностранных языков технических специальностей Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

имеющихся в распоряжении языка всех средств и способов синтаксической организации лексических элементов в целостное высказывание. Поэтому область стыковых синтаксиса и лексики на уровне высказывания приобретает первостепенную важность, так как именно здесь закладывается семантическая основа предложения.

Лексико-семантическая сочетаемость слов является фундаментом для образования различных словосочетаний, которые также активно участвуют в формировании структуры высказывания. Представляется сомнительным предположение, что словосочетание является собой нечто вроде расширения или распространения слова, ибо это привело бы к уничтожению качественной разницы между словом и словосочетанием и необоснованному отождествлению их по одной сходной черте при наличии других черт, резко различных. В такой же степени ошибочно полагать, что предложение есть всего лишь некоторая модификация словосочетания.

Если же говорить о распространении словосочетания, то необходимо сразу же заметить, что усложнение словосочетания не может быть бесконечным, оно не может выходить за рамки тех отношений между его компонентами, которые присущи словосочетанию как особой языковой единице. Объем словосочетания и границы его усложнения неразрывно связаны с качественным отличием словосочетания от предложения - предикативностью, то есть, отнесенностью выражаемого в предложении содержания к объективной действительности [2, с. 34-48], конкретизирующейся в синтаксических категориях модальности, времени и лица. Причем, если говорить шире, то предикативность означает не просто отнесенность содержания предложения к действительности, а «есть процесс присоединения нового знания к старому, процесс познания в предмете той стороны, которая оставалась непознанной, процесс все более углубленного познания предмета» [3, с. 155]. Словосочетание состоит как минимум из двух слов, предложение может состоять из одного слова, так как свойственная последнему и чуждая словосочетанию предикативность может быть заключена и в одном слове - предложении.

Словосочетание характеризуется в одних случаях большей спаянностью своих компонентов, в других - меньшей, но в целом представляет собой такое грамматически организованное единство, которое, с одной стороны, способно выступать в качестве номинативной единицы языка, сближаясь в этом отношении со словом, хотя и не сливаясь с ним, а с другой, сохраняя способность к расширению своей структуры в сторону синтаксической организации предложения, отличается то предложения благодаря отсутствию в структуре словосочетания категории предикативности, присущей только предложению. В случае же совместимости предикативности со структурой словосочетания последнее тотчас теряет свои первоначальные контуры словосочетания и предстает как полноправное предложение, включаясь в коммуникативную систему языка уже в этом качестве, например «круглый стол» и «стол - круглый». Кроме того, выполняя коммуникативную функцию только через предложение, словосочетание лишено и второго характерного признака предложения - интонации сообщения, которая является постоянным и неотъемлемым показателем завершенности мысли в предложении.

Слова и словосочетания претерпевают в предложении структурные изменения, обусловленные как взаимными связями с компонентами других словосочетаний, так и влиянием структуры предложения, которая, в свою очередь, обуславливается структурой связей и отношений между объектами действительности, отображаемыми в данном предложении. Интонационно-предикативная законченность грамматической структуры, какой и предстает синтаксическая структура предложения, является наиболее сильным показателем выражения в предложении различных отношений между объектами реального мира.

Особо следует сказать о роли фразеологических словосочетаний в процессе формирования синтаксико-семантической структуры высказывания. Фразеологические словосочетания, в отличие от свободных, не создаются одновременно с образованием предложения из отдельных лексических элементов, а используются субъектом как целостные словесные блоки, обладающие специфическим, фразеологическим значением. Поэтому внутри них, как правило, избегаются замены одних слов другими, а также всевозможные подстановки и перестановки слов, так как это может помешать узнаванию фра-

зеологизма и, следовательно, адекватному восприятию его значения. Изменения в структуре фразеологизмов существенно осложняли бы процесс языковой коммуникации (сравни например «щеки у нее были молоко с кровью») [4, с. 83].

В рамках целого предложения значения его отдельных лексических компонентов вступают между собой в определенные смысловые отношения, совокупность которых образует смысловое единство, составляющее внутренние свойства предложения и обуславливающее в некоторой степени его общее семантическое наполнение. Эта «совокупность смысловых отношений между значениями непосредственных лексических и фразеологических компонентов предложения может быть названа смысловым содержанием предложения» [5, с. 44], которое в конечном счете представляет собой своеобразную модель отношений между обозначаемыми в предложении явлениями действительности. Иными словами, смысл есть отражение взаимодействия конкретных денотативных признаков (ситуации) обозначаемых в предложении объектов реальной действительности.

Так как смысл высказывания не есть сумма отдельных значений лексических компонентов этого высказывания, но тем не менее он порождается только на их основе, важно, как нам представляется, отметить общую направленность процесса образования смысла предложения. С нашей точки зрения, ошибочно полагать, что смысл последовательно собирается из элементов, имеющих в распоряжении того или иного языка, то есть из языковых значений. Более логично, по нашему мнению, исходить из того, что смысл предложения формируется не последовательно линейно из элементов различных уровней, а образуется комплексно. Это значит, что смысл любого высказывания не может существовать в каком-либо «частичном», разобранном виде, он существует в предложении лишь как целое и относительно законченное образование, хотя и распространяется на всю совокупность компонентов высказывания. И всякое искусственное расчленение смысла высказывания может быть использовано лишь для демонстрации его смысловых компонентов, но не содержания предложения в целом.

Может создаться впечатление, что дискретность структуры смысла высказывания противоречит сказанному, другими словами, не согласуется с тем, что смысл определяется всем комплексом предложения. Нам представляется, что именно благодаря структурной дискретности смысла, в частности, формально-грамматической дискретности составляющих компонентов высказывания, создается возможность различных их сочетаний, а вместе с этим и возможность отображения в высказывании различных ситуаций действительности, на основании которых дифференцируется смысл предложения.

Всякая коммуникация есть прежде всего обмен мыслями, строящийся на однозначности формирования и восприятия смысловой стороны высказывания, адекватно передающей информацию о действительности. Поэтому отделить смысл, содержащийся в каждом конкретном высказывании, от процесса коммуникации и рассматривать его только как внутриязыковую реальность вряд ли правомерно. Иначе говоря, так как назначение языка состоит в первую очередь в том, чтобы быть непосредственной действительностью мысли, то смысловая сторона высказывания соотносится с сознанием, познавательной деятельностью человека. Вместе с тем смысл любого высказывания обращен в сторону материальной действительности, которая в данном высказывании отображается, а это дает право утверждать, что смысл определяется сознанием, ибо истинность или ложность всякого высказывания определяется правильностью отображения в нем элементов действительности. Но это ни в коем случае не означает, что смысл можно рассматривать как некое личностное отношение конкретного индивида к содержанию, на которое в данный момент направлена его деятельность [6, с. 154], или шире, что смысл является каким-то посредником между сознанием субъекта и языком в процессе коммуникации. Смысл высказывания служит осуществлению самого процесса коммуникации в обществе.

При анализе смысла предложения необходимо учитывать не только значения слов, но, что очень важно, всю семантико-синтаксическую структуру высказывания, и в первую очередь структуру отношений значений, то есть субъектно-предикатных отношений, поскольку «не только лексическое значение и обобщенное со-

держание отдельных слов, словоформ и частей речи отражает реальный мир, реальную действительность, но и грамматическая структура предложения как целостной единицы, форма подлежащего и сказуемого в их взаимосвязи» [7, с. 229].

По нашему мнению, обязательный учет структуры субъектно-предикатных отношений в высказывании диктуется при анализе смысла предложения тем, что возможные комбинации отношений между членами высказывания выражают всякий раз возможные типы отношений между объектами действительности. Ясно, например, что структура субъектно-предикатных отношений предложения «Он учится с трудом» выражает некоторое отношение в реальной действительности, отличное от отношений объектов реального мира, выраженных субъектно-предикатной структурой предложения «Учеба дается ему с трудом», хотя на первый взгляд кажется, что в данных предложениях представлена одна и та же ситуация. На самом же деле денотативные признаки этих объектов действительности, создающие ситуацию высказывания, совершенно различны, а поэтому и смысл в каждом из этих предложений различен. Если в первом предложении речь идет о некотором субъекте и его способностях к учебе, то во втором предложении отображается некоторый объект (учеба) в его отношении к способностям субъекта, что и выражается в разных сигнификатах соответствующих лексических единиц. Это различие предложений в словом наполнении фиксируется и разным построением грамматической структуры данных высказываний.

Надо, очевидно, признать, что формально-грамматическая структура высказывания обуславливается в конечном итоге потребностью выразить то или иное отношение между предметами действительности. Каждая грамматическая структура способна выразить такое отношение в действительности, которое отличается от всех других отношений, передаваемых грамматическими структурами других высказываний. Сигнификативные же значения лексических компонентов четко фиксируют эти различия во взаимодействии денотативных признаков в каждом предложении. А различное взаимодействие денотативных признаков обуславливает, в свою очередь, различия в строении предиката каждого конкретного высказывания, что неизбежно сказывается на структуре смысла каждого предложения.

Представляется, в связи с этим, что смысл, являясь принадлежностью предложения, не аморфен, а имеет свою структуру, главным стержнем которой выступает субъектно-предикатное строение высказывания. Более того, можно даже сказать, что структура отношений между субъектом и предикатом высказывания составляет «структурно-смысловое ядро предложения» [8, с. 35], так как именно вокруг этого ядра формируется смысл всего предложения, и именно это ядро чутко реагирует на малейшие изменения в структуре отображаемой ситуации, а значит и смысла высказывания. Другое дело, что такие малейшие изменения в структуре отображаемой ситуации не всегда достаточно легко уловимы, так как это требует тонкого логико-семантического анализа денотативной стороны высказывания.

Говоря в общем о формально-семантической структуре субъекта и предиката высказывания и их важности для смысла предложения, следует заметить, что для возникновения субъектно-предикативных отношений в предложении, а следовательно, и для возникновения самого предложения нужны не какие-то канонизированные субъект и предикат, а значащие элементы языка, благодаря сочетанию которых осуществляется адекватная экспликация смысла предложения. Объясняется эта необходимость тем, что подвижная, динамическая субъектно-предикативная структура высказывания обеспечивает «улавливание» тончайших различий в смысле предложений, которые на первый взгляд кажутся идентичными по смысловому наполнению.

Там, где расчлененность объекта на предмет его отношения передается посредством выраженного субъектно-предикативного отношения в предложении, иными словами, если логический субъект и логический предикат представлены в предложении, соответственно подлежащим и сказуемым, то в таких грамматических конструкциях логико-лингвистический анализ смысла высказывания не будет, видимо, составлять для исследователя особой трудности. Нескольким труднее смысл высказывания поддается логико-лингвистическому анализу в тех предложениях, где грамматический субъект выражен не именем в именительном падеже, а оформлен косвенным падежом, например,

Mir 1st schwer zumute и т.п. Трудность анализа смысла в подобных предложениях, по нашему мнению, заключается в том, что до сих пор не всеми исследователями языка признается наличие в такого рода высказываниях субъектно-предикативного отношения.

То, что в индоевропейских языках основной формой выражения грамматического субъекта служит преимущественно именительный падеж имени, является очевидным. Однако абсолютизированное понимание грамматического субъекта, основанное только на морфологических показателях, не всегда может привести к положительным результатам не только в построении общей теории субъекта как логико-синтаксической категории, но и в создании теории смысла предложения, так как оно не охватывает все стороны проявления предикативного отношения в предложении. Морфологическая характеристика субъекта, на наш взгляд, узка и не раскрывает его подлинную синтаксико-семантическую природу. В ней не учитывается связь формы грамматического субъекта с его содержанием, то есть неразрывная связь языковой формы и ее логического содержания. Номинатив является лишь одним из способов, но не единственным для образования структуры субъекта и взаимодействует с рядом других, номинативных, средств, которые также активно и равноправно участвуют в выявлении субъекта высказывания в синтаксико-семантической структуре предложения.

Онтолого-морфологическая характеристика субъекта не исчерпывает все вопросы категории грамматического субъекта в конкретных предложениях. Это прежде всего касается вопроса о так называемых односоставных предложениях типа «Светает», Mich hungert; Mich friert и т.п., где отношения грамматического субъекта и предиката не укладываются в их прямую форму подлежащего и сказуемого. Косвенный падеж лица манифестирует здесь не объект физического ощущения, состояния, а самого носителя этого состояния, который служит предметом высказывания и реализуется как грамматический субъект в косвенной форме имени [9, с. 61]. Аналогичным образом, как представляется, и в русских грамматических конструкциях типа «Мне радостно» косвенный падеж «мне» воплощает не какой-то объект физического ощущения, а самого носителя этого состояния, который является предметом мысли и реализуется как грамматический субъект имени в косвенном падеже.

Рассмотренные виды предложений находят в языковой коммуникации именно потому, что они функционируют как интонационно законченные грамматические конструкции с наличием субъектно-предикативного отношения между членами высказывания. Односоставные предложения, также характеризующиеся субъектно-предикативным отношением, не являются поэтому исключением в системе языка, а выражают своими лексико-грамматическими средствами расчлененность событий, выражая тем самым, как и простые двусоставные предложения, соответствующее смысловое содержание.

Заключение. Из сказанного можно сделать вывод, что смысл высказывания формируется и выражается только на уровне субъектно-предикативных отношений. Причем, отношения между субъектом и предикатом могут обнаруживаться как морфологическим, так и лексико-синтаксическим способом. Отсюда совершенно очевидно, что для характеристики главных членов предложения существенно не только именительный падеж и финитная форма глагола, но и все синтаксические средства выражения предикативных отношений, то есть все виды выражения грамматического субъекта и грамматического предиката, так как это особенно важно для исследования смысловой структуры высказывания.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Колшанский Г.В. Проблема противоречий в структуре языка // Энгельс и языкознание. - М., 1997;
2. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. - ЛГУ, 1974.
3. Ильенко С.Г. Персонализация как важнейшая сторона категории предикативности // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. — Л., 1975.
4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. - М, 1976.
5. Мельничук А.С. О знаковой природе предложения // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». — М., 1997.

6. Тарасов Е.Ф. Ролевая интерпретация понятий «значение» и «смысл» // Проблемы в психолингвистике. - М., 1975.
7. Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau. - L., 1972.
8. Адмони В.Г. Структурно-смысловое ядро предложения // Члены предложения в языках различных типов. - Л., 1972.
9. Маргарян А.А. Способы выражения субъекта высказывания в современном немецком языке // Кандидатская диссертация. - М., 1974.

Материал поступил в редакцию 10.10.08

VENSKOVICH M.S. The Structure of the meaning of Simple Extended sentence

The article deals with the research of problems of the meaning of the sentence on the basis of the morphological - syntactic analysis of the lexical components of the statement. The formal grammatical structure of the statement is conditioned in the end by the need to express one or another relation between objects and phenomena of reality and reacts sensitively to the smallest changes in the structure of the situation presented. The conclusion is that the meaning of the statement is formed and expressed only on the level of the subject - predicate relations which can be found by means of both morphological and lexical - syntactic method.

УДК 802 (07)

Жданов А.А., Климович И.Е., Полищук Е.О.

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ В СВЕТЕ НОВОЙ ТИПОВОЙ ПРОГРАММЫ

Введение. Настоящая статья посвящена проблеме обучения иностранному языку (ИЯ) как общеобразовательной дисциплины в неязыковом вузе, эффективность которого по-прежнему оставляет желать лучшего и, как правило, не удовлетворяет ни преподавателей, ни самих обучаемых. Проблема эта, с одной стороны, – застарелая, из разряда «вечных» в дидактике, и потому по-прежнему не теряет своей актуальности, приобретая всякий раз особую остроту при смене концепций и/или реформировании обучения, а с другой – крайне многогранна, в связи с чем, учитывая характер публикации, мы затронем здесь лишь один, но крайне важный ее аспект, а именно: цели и задачи обучения ИЯ в неязыковом вузе на современном этапе развития общества в свете новой типовой программы вообще и преемственности в обучении ИЯ между школой и вузом, мотивации студентов неязыкового вуза к изучению ИЯ, в частности.

Проблема преемственности. Насколько нам позволяет судить наш многолетний опыт преподавания ИЯ в БрГТУ и личные контакты с коллегами из других неязыковых вузов республики, уровень иноязычной подготовки у белорусских студентов, поступающих на первый курс неязыкового вуза и продолжающих изучение ИЯ после окончания средней школы, в целом, является довольно низким. К примеру, в последние годы, средняя оценка по английскому языку, которую получали на централизованном тестировании учащиеся, поступавшие на первый курс экономического факультета БрГТУ, как правило, не выходила за пределы 5 баллов по количественной – десятибалльной – шкале оценки знаний, а по европейской, качественной, – как показывает ежегодно проводимое нами «входное» тестирование первокурсников, – остается в пределах “Novice” – “Low-Intermediate”, т.е. между третьим и четвертым из семи устанавливаемых уровней. И это среди тех, для кого вступительное испытание по ИЯ является обязательным условием для поступления в вуз на конкурсной основе! Причем, следует учесть, что около 80% от числа поступающих на БрГТУ на специальность экономического профиля составляют девушки, отличающиеся, как известно, большей склонностью, по ряду причин, к изучению ИЯ как в общеобразовательной средней школе, так и в вузе.

Справедливости ради следует сказать, что и российскую, как в свое время и советскую общеобразовательную среднюю школу, в настоящее время не отличает добротное владение западноевропейскими ИЯ даже выпускниками ее городских школ, хотя это вряд ли может служить хоть каким-либо для нас утешением. Так, к примеру, по данным аналитического отчета «Результаты единого государственного экзамена (ЕГЭ)» почти что 40% учащихся из числа тех, кто решил сдавать ЕГЭ по ИЯ в 2006 году, получили двойки и тройки (по 5-ти

бальной шкале аттестации), причем из 11026 экзаменовавшихся 80% представляли города с населением более 100 тысяч жителей (а это значит, главным образом, профильные классы, гимназии и лицеи), причем количество девушек среди участников составило 74%. [1]

Конечно, уровень подготовки выпускников средних школ, поступающих в вузы белорусской столицы, как правило, несколько выше «среднего республиканского», а в те годы, когда абитуриентам разрешалось подавать заявления в несколько вузов одновременно, был даже на целые баллы выше. Но и полагать, что ситуация с низким уровнем владения ИЯ выпускниками средних школ характерна исключительно для самой западной, граничащей с Европейским союзом, Брестской области, у нас нет оснований. Скорее наоборот. Однако в любом случае ожидать в ближайшие годы повышения уровня владения ИЯ даже у тех, для кого поступление в вуз связано со сдачей вступительного экзамена по ИЯ, к сожалению, не приходится. Нововведения последних лет – обязательная сдача экзамена по ИЯ на специальности экономического профиля в форме централизованного тестирования (изначально нацеливающая учащихся на овладение ИЯ «в безмолвии» – как системой знаков и правил, а не как средством общения и познания, несмотря на то, что именно последнее является, в конечном счете, тем, ради чего, если судить по учебным программам, ИЯ изучаются как в общеобразовательной школе, так и в неязыковом вузе), плюс сокращение и без того не много большого числа часов на ИЯ в старших классах общеобразовательной средней школы, наряду с ликвидацией профильных классов, – фактически исключают, на наш взгляд, какую-либо надежду на то, что положение с уровнем владения ИЯ выпускниками общеобразовательной средней школы хоть сколько-нибудь улучшится. Наоборот. С известной долей убежденности можно говорить о том, что положение в целом станет еще печальнее, а разрыв между конечными целями обучения ИЯ, задекларированными в новой типовой программе для неязыковых вузов, и исходным уровнем владения ИЯ выпускниками средних школ станет еще шире и абсолютно непреодолимым за те, не побоимся этого слова, «жалких» 150 часов аудиторных занятий, которые после радикального сокращения почти на 40% количества учебных часов, отводившихся на ИЯ по прежней программе, было решено оставить в неязыковом вузе на курс ИЯ по ее новому варианту. [2]

Остаются, правда, еще 122 часа, так называемой самостоятельной работы, полученных, как мы понимаем, без какого-либо специального расчета простым вычитанием вышеупомянутых 150 часов аудиторных занятий из общего количества учебных часов, отведенных на ИЯ по остаточному, скорее всего, принципу. Однако с одинаковым успехом в рассматриваемую программу можно было заложить и 100, и